

Это был сравнительно небольшой горный поселок Шаумяни, названный так в честь одного из 26 бакинских комиссаров, армянина Степана Шаумяна. Сам поселок располагался на территории Грузии, но жили там, в основном, армяне. Был он знаменит своим единственным врачом-гинекологом, грузином, принимавшим роды в поселковой больнице и близким соседством с первой ракетной воинской частью в Закавказском военном округе, сокращенно ЗАКВО.

В период хрущевской оттепели и масштабного сокращения Вооруженных Сил СССР, там можно было увидеть офицеров в летной и военно-морской форме. В ракетные войска рекрутировали в основном летчиков и моряков.

23 февраля 1958 года застало офицеров с утра в парадном строю, а вечером за игрой в преферанс.

Под жилье офицерским семьям был выделен огромный склад для хранения аэростатов (раньше в Шаумяни стоял аэростатный полк). Внутреннее помещение склада разбили деревянными перегородками на небольшие комнатухи. Удобства были во дворе, к ним нужно было двигаться шестидесятиметровым широким коридором мимо наспех сколоченных дверей малосемейных, аэростатных комнат.

У офицеров-холостяков тоже был аэростатный склад, но с комнатами побольше, рассчитанными на шесть человек. Такой же длинный коридор своей противоположной выходу стороной упирался в массивную стену. Возле нее холостяки соорудили пулеулавливатель и палили по мишеням из пистолетов в свободное от службы время. Начальники в те времена, зачастую бывшие фронтовики, не относились к расходованию боеприпасов трепетно, как нынешние.

Поколение офицеров, ровесников моих родителей, было молодо, убеждено, что живет в лучшей стране мира, и готово на любые жертвы ради нее. Жили трудно, но открыто. Всех ровнял длинный аэростатный коридор с одинаковыми комнатами и примитивной мебелью: стол, две-три самодельных табуретки, деревянные настенные полки, длинная вешалка для одежды, два фанерных чемодана под солдатскими кроватями, простая посуда и один проводной приемник.

Когда отец уходил играть в преферанс к холостякам, иногда задерживаясь до утра, мама коротала время со своими подругами, женами других офицеров. Редко у кого из них были швейные машинки. Они расценивались как предметы роскоши. Над швейными машинками склонялись, в основном, женщины на сносях. Они строчили распашонки из бязевых portянок будущим, еще не родившимся детям. Постоянный стук швейных игл означал, что наши отцы успевали не только защищать Родину.

Офицерская тревожная жизнь шла своим чередом. Но день 23 февраля 1958 года моей матери запомнился особенно. Она пошла вместе с отцом, пытаясь научиться играть в преферанс. Из этого ничего не получилось. Но чтобы развеять скуку, отец научил ее стрелять из пистолета прямо на импровизированном стрельбище у холостяков. Перед ней на тумбочке большой горстью насыпали в тарелку патроны к пистолету «ТТ», и она впервые в жизни дырявила мишени из боевого пистолета.

Стрелять ей понравилось. С тех пор она часто ходила в аэростатный тир и пулю за пулей отправляла в черный круг мишени.

Ровно через два года с того памятного дня родился ваш покорный слуга. Роды принимал все тот же грузин врач-гинеколог. А еще через три года моя мать выиграла первенство Закавказского военного округа по пулевой стрельбе из пистолета среди мужчин и получила вместе с первым разрядом еще и приз – редкую и дорогую по тем временам

игрушку – автомобиль «ЗИМ» с дистанционным тросиковым управлением. Это была моя первая, по настоящему шикарная игрушка. Почти три года она выдерживала натиск моего любопытства. В конце концов, оставшись без колес и с выдавленными стеклами «ЗИМ» отправился в большой картонный ящик в дальнем углу кладовки. К тому времени мы переехали в благоустроенную квартиру. И на 23 февраля мама уже не палила из пистолета по несколько часов кряду. Она немного скучала по тем временам и всегда охотно рассказывала, как выиграла мою первую и самую любимую игрушку. А я втайне гордился мамой и взахлеб рассказывал друзьям о той победной стрельбе на первенство Закавказского военного округа.

А все началось еще в 1958 году, 23 февраля. Мама стреляла, даже когда ходила мной. Так что запах порохового дыма я вдыхал вместе с ней, и судьба моя определилась еще до рождения.

Дело осталось за малым. Почти все мои ровесники из военного городка стали офицерами. И почти все они в один день, 31 августа 1977 года, приняли военную присягу.

Вячеслав СКАЛАЦКИЙ.